

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82(091)(419)

ТРАДИЦИИ Н.А. НЕКРАСОВА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ С.Н. ТЕРПИГОРЕВА (АТАВЫ)

© Галина Трофимовна АНДРЕЕВА

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск,
Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
e-mail: oxanaiva@mail.ru

Рассматриваются неизученные в полном объеме идейно-эстетические традиции Некрасова в художественных произведениях и публицистике Терпигорева 1860–1870-х гг. Существенные элементы поэтики Терпигорева, обусловленные его органической народностью и демократизмом, просветительской авторской позицией, взглядами на современное состояние общественной жизни, сближали Терпигорева с Некрасовым в раскрытии центральной темы его творчества – жизни провинциального русского дворянства.

Ключевые слова: литературные традиции; творческая индивидуальность; поэтика; стиль; авторская позиция.

Сергей Николаевич Терпигорев (Атава) (1841–1895) был русским писателем немалой величины. Его наиболее значительными произведениями являются циклы «Оскудение» (1880) и «Потревоженные тени» (1894). М. Протопопов определял место Терпигорева в эпохе конца XIX в.: «Много поменьше, нежели веселый анекдотист, вроде, например, г. Лейкина» [1, с. 199]. В 1893 г. цикл очерков «Оскудение» был переведен на немецкий язык, и исследователь В. Франк в предисловии к книге, подчеркнув авторскую взволнованность в описании «смертельно больной» России, писал, что в художественном отношении «Оскудение» можно причислить к лучшим сатирическим описаниям народов во всемирной литературе [2, с. 284].

Творчество Терпигорева – это умно и талантливо написанная история русского помещичьего дворянства. Он пришел в литературу со своей темой, глубокое знание которой позволяло ему внести ощутимый вклад в разработку проблемы дворянского оскудения.

Произведения Терпигорева наряду с созданными писателем художественными образами воссоздают общий облик того места, того «уголка земли», с которыми были связаны его жизнь и творчество и без которых

не полон был бы его мир. Тамбовщина стала его поэтической родиной, наполнившись теми же смыслами, что и Ясная Поляна Льва Толстого или Спасское-Лутовиново Тургенева.

Художественно-публицистическая деятельность Терпигорева приходится на 1861–1895 гг. Ранним периодом его творчества можно условно считать период до создания цикла очерков «Оскудение», т. е. 1860–1870-е гг. В это время особенно заметно влияние на начинающего писателя Гоголя и Некрасова как в идейных исканиях, так и в эстетических установках. Тем не менее, решающая роль в самоопределении Терпигорева принадлежала непосредственным жизненным наблюдениям и впечатлениям. Вместе с тем положение и поведение его всегда оставались автономными, Некрасов с самого начала и до конца творчества был одним из его главных идейных и духовных наставников. Некрасовская нота печали пронизывает многие произведения Терпигорева, всегда пробиваясь через веселое остроумие писателя.

Еще в гимназии Терпигорев тайно хранил первый некрасовский сборник стихотворений (1856) с запрещенным стихотворением «Поэт и гражданин». В университете заочное знакомство с Некрасовым перешло в личное,

когда Некрасов «благословил» его на писательство.

В годы расцвета сатирической журналистики, в начале 1860-х гг., Терпигорев под псевдонимами Сергей Заноза, С. Черемичка, Житель г. Тамбова, С-Ъ [3] публикует свои первые корреспонденции в приложениях к газете А.С. Гиероглифова «Русский мир», в которых высмеивает быт и нравы тамбовских обывателей, полемизирует с убогой и пошлой «Домашней беседой» В.И. Аскоченского. Так, в статье «О кабалистическом значении Виктора Ипатьевича Аскоченского» мракобесию и клерикализму «Домашней беседы» противопоставлено стихотворение Некрасова «На Волге».

Терпигорев называет Некрасова лучшим русским поэтом, в его публицистике Некрасов упоминается чаще всех других писателей, ему отводится здесь почетное место. Атава возмущается изъятием произведений Некрасова из школьной программы, после смерти поэта Терпигорев защищает его память от нападок врагов. Судя по публицистике писателя, он постоянно носит в памяти некрасовские образы Власа, Прокла, Дарьи, охотно цитирует стихотворения Некрасова «Тройка», «Родина», «Железная дорога». Зачастую некрасовские слова служат продолжением авторской мысли, как, например, цитата «И пример никому не наука. Разорит она сотни других» в корреспонденции «Из Тамбова».

Между Терпигоревым и Некрасовым существовала не только сюжетно-тематическая связь их произведений, выразившаяся в родственности тем, конфликтов, типов, но и более глубокая, идейная, преемственность, происходящая из стремления всесторонне охарактеризовать положение дворянского сословия, осмыслить его прошлое и настоящее. Близки некрасовским были и размышления Терпигорева о роли и месте литературы в современных условиях, о крестьянской реформе.

По мнению Терпигорева, дворянство в корне деформировано тем, что барин «долго рабом владел». «Умственная трущоба», «несчастный угол», «наш муравейник», «мертвый дом» – вот среда, страдающая нравственной импотенцией. В обывателях поражает «какая-то удивительная смесь тупости, радущия, наивности и бесконечных неудержи-

мых позывов на маленькое плутовство... Плутовство мелкое, ползучее низкопоклонство, какая-то пришибленность рядом со смелым и безнаказанным» «моему ндраву не препятствуй!».

Стираются грани между дворянством и разбогатевшим чиновничеством, и причиной этого является упадок дворянской культуры.

Паразитизм, праздность, неумение во всем – вот почва, порождающая слабое и жалкое поколение. Там, где «помещичий быт сложился в самую распущенную форму», где в отчаянное положение попал «человек с мякотью в голове... который сапога не может снять с ноги без этих Ванек, Степок», начинается бешеное прожигание жизни. Когда появились признаки поворота «от интересов старой жизни – собак, цыган, баллотировочных обедов и попоек – к общечеловеческим требованиям и стремлениям», «губернские и уездные вампиры, мокрицы и жабы почуяли приближение своего последнего часа и всполошились, кто едет хлопотать о переводе, кто о пансионе, кто о новом тепленьком местечке – они поднялись и поползли и полетели в разные стороны». Бушует какая-то странная вакханалия, пир во время чумы. Соотечественники никак не укрощаются нравом, становятся все более развязными, «некоторые их шалости отличаются даже какою-то пикантностью!», что «свидетельствует о несомненном прогрессе их по этой части».

Как и у Некрасова, «железнодорожная тема со всем тем, что связано с нею», стала у Терпигорева его «постоянной, безотлучной, грустной и тоскующей музой». К Липецку проводится железная дорога со всеми своими спутниками и атрибутами. Выбитые из привычной колеи, втянутые в водоворот капиталистических отношений, близкие к окончательному разорению помещики тешат себя соображениями, «с маниловскою закускою», «как Иван Петрович разведет... тирольских коров и будет поставлять молоко» в железнодорожный буфет.

Там, где царит растерянность, неизбежно появляется хищник. Разыгрывается вакханалия концессионного предпринимательства. Созвучно «Железной дороге» Некрасова Терпигореву железные дороги представляются «источником великих горестей и слез» народа. Размышления Терпигорева о хищниках близки думам Некрасова, выраженным

им в поэме «Дедушка»: «Сок из народа давила / Подлых подьячих орда / Что ни чиновник – стяжатель / С целью добычи в поход / Вышел... / А кто неприятель? Войско, казна и народ!».

Простой народ не доверяет господам, мужик далек от барина: «...мужику слишком достаточно заметить только одно наше желание забраться к нему в душу, чтобы он сейчас же превратился в улитку – позиция, из которой барин не всегда выманит его даже и водкою». Терпигорев обращается к господам: «Безграмотны. Грязны, грубы, водку любят, ни бельмеса в хороших сигарах не смыслят, а тонкое, я вам скажу, у них чутье, и не слышал я ядовитее их насмешек над такими вот друзьями, как вы». О массовом обнищании крестьян говорит разоренная деревня Кочетовка, через Тамбовскую губернию идут целые обозы голодных из Орла, Тулы.

Крестьянская реформа в статьях Терпигорева по-некрасовски ударила «одним концом по барину, другим – по мужику».

В болоте провинции, где автор статей наблюдает «бесконечные погребальные процессии добра, чести и живой жизни», «зло не искореняется, а... перегоняется из одного места в другое». «Много здесь таких ранних грустных могил, – пишет Терпигорев, – в которые схоронили мы дела, задохнувшиеся в тяжелой губернской атмосфере. Надо всем царит какая-то удивительная смесь честных, высоких порывов с нравственным бессилием, на первых же порах заедающим эти высокие и честные порывы». Эти раздумья писателя близки некрасовскому мотиву «рыцаря на час». Не новые, свежие веяния повлияли на провинцию, а «она, голубушка, подчинила их своему обычаю и нраву».

1870-е гг. были временем наиболее тесного личного общения Терпигорева с Некрасовым.

В 1878 г. в русской журналистике появляется первый солидный буржуазный орган – газета «Биржевые ведомости» К.В. Трубникова с приложением «Телеграф», и Терпигорев сотрудничает в «Телеграфе» весь 1878 г. В помещенных здесь статьях он говорит о влиянии крестьянской реформы на все сословия общества. Этот «со времен Петра величайший из подзатыльников, поднесенный в ту пору совсем было уж раскисшей и осо-

вевший России», выявил все «домашние болячки», обусловившие предстоящую борьбу с самими собой, с экономическими и нравственными условиями современности. «Растет, – пишет он, – все шире и шире разрастается, переплетается эта страшная казенно-частная ассоциация воровства и тунеядства». Развитые, образованные специалисты бьют баклуши и нищенствуют, «а в зуб толкануть не умеющие восседают, заседают, заправляют, управляют», трутни заполнили служебные канцелярии и «никакая мысль, кроме карьерной, у них в головах не переваривается».

Говоря о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Терпигорев подчеркивает героизм народа, который «безмолвно переносит и леденящие морозы на вершинах Балкан, и невылазную грязь под Плевной с холодным ливнем, и гнилые сухари, и сапоги без подошв». «Народ, выдвинувший из своей среды армию, подобную нашей, непременно должен быть народ, полный жизни, страсти, веры в себя». Отношение Терпигорева к народным бедам, вызванных войной, созвучно некрасовскому в его стихотворении «Внимая ужасам войны», где поэт, назвав переживаемое время «лицемерными днями», «полными пошлости», единственными в мире «святыми, искренними слезами» считается «слезы бедных матерей».

Терпигорев говорит о программе учебных заведений, снова обратившись к поэзии Некрасова: «А отчего исключен Некрасов? Оттого, что он не годится. Его идеалы, его типы... трудовой, гордой женщины разве подходят к тому идеалу, который нужен... Никакой «женственности» (читай изнеженной овечьей пошлости и позы на разврат) в таком образе нет. Да такая женщина, пожалуй, не только уж морально, но и физически-то будет сильнее нас, плешивых в двадцать лет, изношенных, истрепанных, изолгавшихся, все счастье и все радости жизни находящихся... у Бореля и Дюссо, да в торговой любви какой-нибудь не менее нас изношенной и нравственно сгнившей Кокур!» Из девочки теперь «вылепливают куколку», которая «привыкла к таким потребностям, удовлетворить которые... она может только или путем преступления, или разврата». Этому женскому типу Терпигорев противопоставляет некрасовский тип русской женщины: «Из кисейных, «неземных», «невинных» соз-

даний у нас выходят самые крупные уголовные преступницы, а из тех, в ком мы рассчитываем (?!) встретить что-то вроде диких кошек – самоотверженные, полные высокого сознания своего долга, кроткие, любящие, отлично знающие свое дело труженицы!.. Они утешали умирающих, раненных на поле битвы. Они же пока единственное утешение, единственная порука за лучшее будущее».

Терпигорев часто упоминает цитаты из произведений Некрасова, которые задают тон и определяют меру вещей: «Плакала Саша, как лес вырубали», «И погромче нас были витии», «Бичуем маленьких воришек для удовольствия больших», «Слава выжлятнику, слава псарям!»

По мысли Терпигорева, из кризиса «общество может быть выведено только страшным погромом», который, как ураган, разразился бы над ним. В такое время «становится понятным смысл фразы «чем хуже, тем лучше»... В такое время душно, тяжело жить, как душно и тяжело дышать перед грозой. Когда бы гроза поскорей приходила! Действительно, кажется, больше некуда... Ясно, дело идет к развязке... Время слов прошло; наступает время расчета». Некрасов в эти годы в своем стихотворении «Душно... без счастья и воли...», создав ощущение страшной духоты, царящей в стране, призывает бурю... «Буря бы грянула, что ли? Чаша с краями полна!.. Грянь над пучиною моря, в поле, в лесу засвищи, чашу вселенского горя всю расплещи!»

Как и у Некрасова, у Терпигорева характерной особенностью развития публицистического элемента в художественной прозе становится то, что публицистичность явилась не трамплином для возникновения более сложных литературных жанров, а постоянно присутствующим важным элементом его прозы на протяжении всего ее развития. Для него становится характерным не одностороннее движение от факта к его все более сложной беллетризации, а непрерывное обновление факта, приближение к его первичному смыслу и реальному содержанию.

Первым печатным художественным произведением Терпигорева является его очерк «Черствая доля» [4]. Писатель традиционно для своего времени начинает свой литературный путь с обращения к жизни крепостного крестьянства. Рассказ о горест-

ной судьбе крепостной крестьянки пополнил ряд произведений русской литературы о крестьянской доле, тематически сблизившись со стихотворениями Некрасова «Тройка», «В полном разгаре страда деревенская...», «В деревне».

1860-е гг. были одной из немногих эпох в русской культуре, объединенных общим переживанием современности, когда обнаруживается напряженное чувство быта. Бытовая микросфера разворачивается в подробную картину жизненного уклада, связанную с общечеловеческими ценностями.

Полноправие бытовой темы в литературе утвердил Гоголь, устойчивый быт идеализировал Л. Толстой, обиход крестьянской жизни поэтизировал Некрасов. Терпигорев обнаруживает подоснову, глубинную почву некрасовского опыта в изображаемой им в очерке среде, увидев драматизм крестьянской жизни, сложность переживаний простого человека, трагизм его судьбы. Актуализация некрасовского опыта заключается в изображении бытового как проявления важных явлений современности. «Черствая доля» публикуется в газете «Русский мир», близкой по своему направлению некрасовскому «Современнику», выступавшей против бесконтрольной власти помещиков над крепостными, хищничества кулаков, пошлости и застойности провинциальной жизни.

Действие в «Черствой доле» происходит в страшно разоренной деревне Ольховке, где разыгрывается драма из народной жизни. «И разорена же Ольховка – страх», – пишет автор. Лютая нищета царит в закоптелых и жалких крестьянских избах, покрытых гнилой соломой. Героиня очерка – старая крепостная няня Арефьевна. Она выпестовала всех господских детей. Ее хозяева разорились и продали своих дворовых новому барину. Больная, немощная няня оказывается никому не нужной. Новый барин бесчинствует в имении, сечет и штрафует крестьян, калечит судьбу единственной дочери Арефьевны, и дочь кончает жизнь самоубийством.

Проблематика очерка во многом сопрягается с идейным содержанием произведений Некрасова. Положение крестьян обрисовано созвучно некрасовскому рефрену «холодно... голодно» в его «Песне убогого странника». В оценке новой силы, надвигающейся на деревню, взгляд Терпигорева

сходен с некрасовским в его стихотворении «Секрет». Проблема взаимоотношений помещиков и крестьян решается как осуждение неблагодарности господ, их равнодушия к страданиям домашней челяди и пересекается с горестными словами Некрасова о дворовой няне в стихотворении «Родина»: «...ее бессмысленной и вредной доброты на память мне пришли немногие черты». Общий пафос терпигоревского очерка сходен со смыслом стихотворения Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...», сконцентрированном в цитате: «Немудрено, что ты вянешь до времени, всевыносящего русского племени многострадальная мать!». Обездоленность заданных гнетом рабов подчеркнута уже заглавием очерка, этой оценочной доминантной текста, раскрывающей смысл произведения.

Как писатель некрасовской школы, Терпигорев, внимательный к жизненной прозе, стремится к простоте своего письма. Им принимается некрасовская нота естественности. В его очерке обыденному сюжету соответствует сама интонация описаний. Заброшенное место действия, мрачная обстановка быта предстает в таких выражениях, как: «Такого скучного места, как наше, пожалуй, и во всем свете не отыщется». Нет патетики в описании трагического финала – смерти Арефьевны: «слабые глаза были почти неподвижны», она «лежала на голой лавке, с изорванным шушунном под головой».

В поэзии Некрасова душевному настрою начинающего писателя оказывается близка ее органическая народность как необходимая составная часть подлинной национальной самобытности. Горячим порывом защитить обездоленных, выразить сочувствие к ним, симпатию к их доброте и трудолюбию в противовес жестокости и праздности господ был вызван особый тип повествования, близкий к сказовой манере. Очерк написан от первого лица, но персонифицированный повествователь, судя по особенностям его речи, является человеком из народа, его язык носит признаки крестьянской речи. Такие выражения, как «авось поспею к ночи в Ольховку», «и ночь-то такая прищлась – хоть глаз выколи», «плакала, плакала, бедная, да и сошла в могилу», являются фиксацией народного сознания через лексический строй речи. Сказовая манера повествования позволяет достичь тонкого психологического анализа в

создании центрального образа. Психология няни – это типичная психология рабыни. Преданная, покорная, искренне привязанная к своим господам, няня не лишена глубоких переживаний. Потрясение ее после той страшной ночи, которую Арефьевна провела на пороге правления, куда староста привел из риги ее дочь к новому барину, передано через пейзажную картину утра. Утро было свежее, ясное, рассветало, туман поднимался над рекой, всюду блестела роса, ударили в церкви к заутрене, и на время Арефьевне показалось, что все не так уж страшно. И тут же новый, еще более страшный удар – самоубийство дочери – рассеивает все ее надежды на барскую милость.

В очерк проникает фольклорная стихия. По законам народной эстетики образ няни овеян поэтической атмосферой сказок «о котлах медных, ножах булатных», которые она рассказывала детям. Афористическое пословичное мышление повествователя оформляется в типично народные словесные формы: «уж белехонько рассвело», «ох, и плохо без хозяев, ах как плохо», «куда и сон прошел». В народной эстетике Терпигорев находит то, что могло претендовать на всеобщность, обрести качество нормативности, тем самым содействуя общему процессу демократизации прозы.

Вскоре Терпигорев обращается к теме, ставшей главной в его творчестве. Она близка, знакома «изнутри», дорога ему и сразу дает ему большое преимущество перед другими писателями, возможность обогатить дворянскую тему художественной «переплавкой» собственного житейского опыта.

В студенческие годы Терпигорев задумывает большой роман на дворянскую тему, но замысел не осуществился. Не хватало материала, не было накоплено достаточно глубоких знаний, были еще не разработаны свои художественные приемы. До нас дошел лишь небольшой фрагмент неоконченного романа под названием «Красные Талы (Детство Горелова)» [5], заслуживающий внимания по содержащимся в нем тенденциям идейно-эстетического плана.

Фрагмент проблемно-тематически соотносится с мотивами и поэтикой таких произведений, как миргородский цикл Гоголя, «Губернские очерки» Щедрина, стихотворения Некрасова.

Терпигорев изображает мрачный быт глухой русской провинции, жизнь помещиков Талиных, детство их сына Юши. Владелец имения Красные Талы – типичный помещичий дворянин. Описаны отдельные эпизоды его жизни – женитьба, развлечения, семейная жизнь, общение с родными и знакомыми.

От обстановки поместной жизни веет духом застойности. Яркие и точные описания семейного быта дворян, их времяпровождения, скучных зимних вечеров создают ощущение тягостной пустоты. Типичны забавы Талина: песенниками, цыганскими хорами, псовой охотой, безобразными попойками «целыми днями тешилась его барская душенька». Его робкая, тихая, покорная жена трепещет перед грубостями и самодурством мужа, не смеет открыто ласкать маленького сына, боится радушно принять в своем доме родителей.

Время работы Терпигорева над фрагментом совпало с периодом, когда опыт Некрасова начал влиять на всю русскую литературу. Много в литературе развивается под знаком Некрасова: писатели оперируют некрасовскими формулами, обращаются к его образам, цитируют его произведения.

«Красные Талы» созданы под прямым влиянием Некрасова. Терпигорев близок к Некрасову пристальным вниманием к общественной жизни, опытным знанием предмета изображения. Задуманный роман должен был строиться в форме диалога, и образцом для него было избрано стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин», в котором Терпигореву была дорога мысль о гражданском назначении искусства.

Терпигореву оказывается близкой некрасовская мысль о «грехах отцов». Он подчеркивает следование за любимым образцом эпитафией, взятым из стихотворения Некрасова «Песня Еремушке»: «В нас под кровлею отеческой / Не запало ни одно / Жизни чистой, человеческой / Плодотворное зерно». Эпитафия выражает главную мысль отрывка, выдвигает программный тезис и задает общий поэтический тон. Как и Некрасова, Терпигорева тревожит тлетворное влияние отцов на потомков. В создании общей атмосферы семейного быта автор переплетает комическое с драматическим, накладывает собственное сознание на детское мировосприятие,

и эпитафия находит опосредованное продолжение, разворачивается в характерную картину, выступает ключом и комментарием к тексту. Все настроение отрывка пронизано типично некрасовским чувством, выраженным поэтом в его стихотворении «Родина», в «Отрывке из путевых заметок графа Гаранского» и других произведениях о том, как «любители кнута, поборники тиранства» устраивали дикие оргии самодурства: «тот с дворней выезжал разбойничать, тот затравил мальчишку...». Типично некрасовская медитация «И вот они опять, знакомые места / Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста, / Текла среди пиров, бессмысленного чванства, / Разврата грязного и мелкого тиранства» пронизывает весь терпигоревский отрывок.

Терпигорев воспроизводит национальный колорит быта и нравов поместного дворянства. Традиционные семейные порядки, изображенные в живых, жизненных сценах, объясняют особенности типов, прикрепленных к национальной почве и обусловленных исторически выработанными чертами. Сдержанностью русской женской натуры вызвана реакция жены Талина на отъезд сына из отчего дома, который не сулит Юше никакой радости: она «истерически сухо» целует любимого сына и больше ничем не выражает своего смутения. Ее душевное состояние, когда муж относится к ней грубо и жестоко, выражено гоголевской формулой «окаменения» как высшей степенью страдания: «ей стало все равно», «она как-то словно окаменела». Как и у Некрасова, у Терпигорева выразительные черты личности даются в статическом виде, характер выступает в готовом, сложившемся состоянии, с устойчивыми чертами, портретная живопись предстает как рисунок жестов, движений, поз.

В 1963 г. в «Русском слове» Г.Е. Благовосветлова увидели свет очерки Терпигорева «Из записок неудавшегося чиновника» [6].

Полнее и ярче всего провинциальное чиновничество было к этому времени изображено в «Ревизоре» Гоголя, «Губернских очерках» Щедрина, в ряде произведений Некрасова.

Сюжет очерков – история устройства на службу в должности судебного следователя молодого дворянина Талина и перипетии первых шагов его деятельности.

Писатель использовал традиционный прием издания записок героя. Уже заглавие произведения указывает на исповедальный характер очерков.

Некрасов нарисовал будущую карьеру барчука, которому в «Колыбельной песне» поется: «Будешь ты чиновник с виду и подлец душой», «В день привыкнешь ты картинно спину гнуть свою...», «Тих и краток, как овечка, и крепонек лбом, до хорошего местечка доползешь ужом...», «Купишь дом многоэтажный, схватишь крупный чин и вдруг станешь барин важный, русский дворянин». В отличие от Некрасова, Терпигорев не внедряет своего героя в сословие чиновников, его Талин умирает, так и не найдя своего места на службе. Он не смог стать чиновником не случайно, ему оказалось чуждо хищничество. По мысли Терпигорева, обычно дворянин нравственно выше «крапивного племени». Тема превращения чиновника в хищника перекликается в ее трактовке со смыслом стихотворения Некрасова «Секрет», где последствия хищничества оценены поэтом как преступление: у постели умирающего хищника дети дерутся за обладание ключами: «Брат поднимает на брата / Преступную руку свою... / И вот тебе, коршун, награда / За жизнь воровскую твою!».

В очерках скептически оценена деятельность дворянских либералов, с неумеренным восторгом восхваляющих успехи отечественного реформизма. Талин высмеивает «движение» реформаторов, и это звучит в унисон со стихотворением Некрасова «В столицах шум, гремят витии...», где кипящая в официальных кругах словесная война противопоставлена «вековой тишине» в глубине России.

Финал очерков безотраден. Кончилось все «тем же, чем кончается все у нас». Талин умирает от истощения, упадка духовных сил, нервной горячки, вызванной одиноким противостоянием. Он не видит никакого просвета в этой жизни, никаких путей выхода из всеобъемлющего кризиса, считает свое положение безвыходным.

Терпигорев во многом ориентируется на Некрасова. В самом складе его характера содержится некрасовское начало: в ироничности мысли, насмешливости взгляда, в легкости юмора. Отсюда органичность усвоения некрасовского опыта. Пафос комического

осуществляется как обличение внутреннего ничтожества, прикрывающегося претензиями на значительность. Источником комизма становится контраст между кажущимся и действительным. Юмористическая интонация звучит в названиях двух очерков: «Очистительные мытарства и рукоположение» и «Служебные прелести».

Сходство с Некрасовым по тематическому принципу, по близости интересов к определенным человеческим типам, по отношению к общественным проблемам, по способам их понимания и оценки обусловило общие моменты в формах их воспроизведения. У Терпигорева формируется структура, где параллельно художественному повествованию существует богатый информационный план. Гармоничное слияние образного с оценочным станет впоследствии неизменной чертой стиля Терпигорева.

В 1869 г. в «Отечественных записках» публикуется очерк Терпигорева «В степи» [7; 8]. В двух очерках, «Первые впечатления. Козлов» и «Степная деревня, ее жизнь, печали и радости», описывается уездный городок Козлов и одна из деревень Тамбовской губернии. В композиции произведения отражен ход творческой мысли писателя – начать с последствий описываемого, а затем обратиться к истокам, выдвинуть мысль о том, что причины многих явлений городской жизни коренятся в обстоятельствах деревенской.

В первом очерке неторопливо, обстоятельно повествуется о жизни козловских обывателей, времяпровождение которых бессмысленно и удручающе однообразно. Отупляющая, повсеместная, неистребимая скука порождает невежество, пьянство, разврат. Дни заполнены бесконечными чаепитиями, сплетнями, картами, сном до одурения. «И дышит на меня здесь отовсюду скука, – пишет автор, – ...давит скука. Примутся ее убивать и станет еще скучнее».

«Цвет» козловского общества представлен в картине земского собрания. Равнодушные, легкомысленные заседатели похожи на кукол, их лица уподобляются предметам, в их портретах преобладает общее и стирается индивидуальное, в них «нет места ни мысли, ни чувству».

Во втором очерке говорится о деградации поместного дворянства. Псовая охота «принимает чудовищно-безобразные разме-

ры. Что совершалось при этом... – единому Богу известно и им одним может быть прощено», – пишет Терпигорев. Молодежь не получает никакого развития: «Невыразимо жалки мне эти Катеньки, Сонечки, Лизаньки. Умственной жизни нет у них, разумеется, никакой». Порождение описанных обстоятельств – здоровенный, уподобленный жеребцу барчук, устроивший гарем в риге.

Мужик «не знает, как год дотянуть, не голодая», живет в «деревянной норе», «еле еле дышит», «чем беднее село, тем пьянее», – замечает автор. Как и Некрасов, Терпигорев объясняет пьянство бедностью. Общая концепция писателей выражена в стихотворении Некрасова «Пьяница»: «Но мгла отвсюду черная навстречу бедняку... Одна открыта торная дорога к кабаку». У Терпигорева: «Дайте мне ведро водки, – говорит современный тамбовский Архимед, – и я этим рычагом сдвину куда угодно целую деревню».

Терпигорев пишет о «той страшной беспомощности, с которой тамбовский мужик идет навстречу холере, оспе, сифилису». Ужаснее всего выглядят «зеленые, с какими-то старческими личиками» дети. У церковной паперти стоят пять маленьких гробиков.

В очерках важная роль принадлежит образу степи. Степь здесь выступает как ключевое понятие, как символ свободы, простора, вольной и мощной стихии.

Естественности, жизненный полноценности природы противопоставлены искусственность, механицизм и мертвенность обывательского существования. Разителен контраст между величавым спокойствием степи и суетой низкопоклонства, судорожной погоней за чинами, мелочностью пошлых визитов. Используется принцип контраста между гармонией, разлитой в природе, и дисгармонией жизни, где царит «страшная, смертная скука», запустение в некогда цветущих «дворянских гнездах», нужда и голод в мужицких избах. Эмоционально-смысловой лейтмотив очерков «В степи» созвучен тезису «нет безобразья в природе» в стихотворениях Некрасова. Как и у Некрасова, у Терпигорева пейзаж пронизан нотами щемящей тональности, природа у него живая, говорящая, полная звуков, причем, звукопись строится на приметах глубинного народного сознания с их рельефной, осязаемой конкретностью.

Терпигорев осваивает жанр художественно-публицистического очерка. В предшествующих произведениях публицистический элемент присутствовал в виде отдельных вкраплений. Так, в очерке «Черствая доля» авторский голос звучит во фразе «Бедность, грязь, горе с неволей так и глядят на тебя из каждой мужицкой избы», во фрагменте «Красные Талы» автор с горечью отмечает, как на полях «льется... пот с суровых, загоревших лиц, и льется он среди песен или стону – Бог их разберет» (вспомним некрасовское «создал песню, подобную стону»). Теперь публицистический элемент проникает в структуру текста, сливаясь с художественным, обозначив путь писателя к большим очерковым циклам. Отдельные очерки скрепляются проблемно, их скрепой служит авторская мысль, Терпигорев осваивает новый, более сложный, обзорный принцип циклизации произведений малой формы.

Постепенно формируется индивидуально-терпигоревский стиль, народностью сближающийся с некрасовским. Сначала Терпигорев пробует передать народный тип сознания через сказовость повествования в рассказе «Черствая доля». Затем собственно авторский голос звучит в «Красных Талах» и корректируется «чиновническим» языком в очерках «Из записок неудавшегося чиновника». Наконец в очерках «В степи» сливаются три стилистические стихии, и на этой тройной основе формируется собственно терпигоревский неповторимый, оригинальный стиль.

Таким образом, в раннем творчестве Терпигорева литературные традиции выступают достаточно очевидно, освоение опыта современников проступает прозрачно и непосредственно в силу еще недостаточной полноты собственного жизненного и художественного опыта. Его мировоззрение формируется под прямым влиянием Некрасова, открытая гражданственность, по-некрасовски стихийная и естественная, выражается в максималистической прямоте суждений, в крайнем выражении чувств, в отсутствии полутонов в описаниях.

Раннее творчество Терпигорева явилось откликом на злобу дня, возникшим из желания понять и выразить свое время. Сначала он уделяет одинаковое внимание разным темам, но постепенно дворянская тема начинает выкристаллизовываться как плодотворный

фундамент всего творчества, как тот стержень, на котором будет держаться весь художественный мир писателя. Избранная тема начинает подчинять себе все другие, тем самым открывая новые грани проблем, сопрягающихся с ведущей.

Для раннего творчества Терпигорева характерна ясность линии обретения собственного голоса, индивидуальной манеры выражения. Одновременно продолжение литературных традиций вписывает его раннее творчество в общий русский литературный процесс своей эпохи в его ведущих проявлениях. Без Гоголя и Некрасова Терпигорев, вероятно, выразился бы совсем иначе.

Для индивидуального стиля Терпигорева становятся характерными размеренность, основательность, неторопливость и яркая выразительность. Он не сгущает красок, избегает пафосности, в лучшем случае заостряя антитезу желаемого и сущего. Субъективно-экспрессивные формы его поэтики окрашивают повествование в лирические тона, одновременно открыто проявляя критическое отношение к изображаемому и обеспечивая единство критического и лирического начал.

Жанровое становление Терпигорева глубоко оригинально. Начав с очерка, он сразу задумывает большой роман, к чему ведет масштабность его мышления. Развернувшаяся широкая журналистская практика способствует переходу к циклизации произведений. В итоге рождается синтез, тот жанр, который станет ведущим в его зрелом творчестве. Публицистическое отношение к фактам станет сущностью его беллетристической деятельности, причем развитие публицистического элемента пойдет по линии его беллетризации в качестве основы для возникновения более сложных литературных жанров. Публицистическое начало утверждается в стиле писателя как неотъемлемая часть, как постоянно присутствующий и по своим законам развивающийся элемент его прозы. Публицистическое исследование перемежается с живыми сценками, художественными описаниями, тонкими пейзажными зарисовками. Бесфабульность, обыденность описываемого не мешает передаче и драматизма, и поэзии жизни.

Непреходящая ценность раннего творчества Терпигорева заключается в содержащихся в нем истоках его зрелых произведе-

ний. Здесь заложены зерна его мировоззрения и поэтики, позволяющие проследить связи Терпигорева с его предшественниками и современниками. Различные грани его творчества – личное и общественное, частное и типичное, литературное и политическое, фактографическое и поэтическое – предстают в нерасторжимом единстве. В русскую литературу вступает талантливый писатель, сумевший с самого начала найти верные творческие ориентиры.

Начинает вырисовываться и терпигоревская философия жизни провинции, это и идея текучести времени, и мысли о жизни и смерти, о смене поколений, о непостижимости законов исторического движения вместе с сомнениями в превосходстве настоящего над прошлым.

Первопричиной современных противоречий Терпигорев считает утерю национальных основ русской жизни, забвение лучших душевных качеств нации. Идеалы дворянства, общие с народными, утверждаются им как фундамент национальной культуры. Об этом говорят открытая ностальгия по прошлому, грустное недоумение перед беспощадным бегом времени, уносящим все самое дорогое и чувство горячего сожаления о нереализованной исторической миссии родного сословия.

Хотя Терпигорев и не выходит в «большое время», не проникает в разветвленную диалектику взаимосвязей эпох и культур, он обаятелен бережной любовью к «родимым чертам», тревогой за чистоту и прочность коренных основ нации, глубокими думами о родине в потоке времени.

1. *Протопопов М.Н.* Сатирик-анекдотист // Русская мысль. 1899. № 11.
2. Заграничные исторические новости и мелочи // Исторический вестник. 1893. № 4.
3. *Андреева Г.Т.* Неизвестный псевдоним С.Н. Терпигорева // Русская литература. 1973. № 4. С. 169-171.
4. *Терпигорев С.* Черствая доля (рассказ из тяжелого прошлого) // Русский мир. 1861. 23 дек.
5. *Терпигорев С.* Красные талы (Детство Горелова) (Отрывок) // Русский мир. 1862. 4 авг.
6. *Терпигорев С.* Из записок неудавшегося чиновника // Русское слово. 1863. № 2, 4.
7. *Атава С.* В степи // Отечественные записки. 1869. № 12.

8. *Атава С. В степи // Отечественные записки.*
1870. № 4.

Поступила в редакцию 12.10.2012 г.

UDC 82(091)(419)

TRADITIONS OF N.A. NEKRASOV IN EARLY WORK OF S.N. TERPIGOREV (ATAVA)

Galina Trofimovna ANDREYEVA, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: oxanaiva@mail.ru

The unstudied in total extent ideological and aesthetic traditions of Nekrasov in the works of art and publicism of Terpigorev of 1860–1870s of 19th century are considered.

The essential elements of the Terpigorev's poetics stipulated by his organic people's democratization, educational author's position, views on the modern condition of public life, drew together Terpigorev and Nekrasov in disclosing of the central theme of his creative work – the life of provincial Russian nobility.

Key words: literary traditions; creative individuality; poetics; style; author's position.